О. А. Митько

Новосибирский государственный университет ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

omitis@gf.nsu.ru

БЛАГОПОЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ КИТАЙСКИЕ НАДПИСИ НА ОГНИВАХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОГО ТИПА*

Анализируется два огнива тюрко-монгольского типа, украшенные металлическими накладками с прорезными изображениями китайских иероглифических надписей. Надписи относятся к традиционным китайским благопожеланиям богатства и благополучия. В народной художественной живописи такие надписи часто иллюстрируются поздравительными картинами (няньхуа), получившими широкое распространение со второй половины XIX в. Подобные пожелания являются культурными универсалиями, связанными с архетипическими представлениями о материальных и нравственных жизненных ориентирах. Огнива с благопожелательными надписями изготавливались китайскими мастерами для элитных групп скотоводческих народов. Появление высокохудожественных «гибридных» огнив — это показатель специфики этнокультурного взаимодействия населения Китая с монголами и тибетцами, что свидетельствует об адаптации престижно-знаковых предметов их материальной культуры к социально-политическим реалиям Империи Цин.

Ключевые слова: Центральная Азия, Китай, Тибет, монголы, Средневековье, поясная сумочка для огнива, благопожелание.

В эпоху позднего Средневековья и Нового времени в восточной части степного пояса Евразии получили распространение оригинальные декоративно оформленные огнива, ставшие важным дополнением одежды тюрко-монгольских народов. Будучи эффективными и мобильными приспособлениями для получения огня, они в равной степени использовались в двух областях жизни — профанной и сакральной. В домашнем обиходе и в повседневной пастушеской и охотничье-промысловой деятельности применяли довольно простые по изготовлению и отделке огневые приборы.

Праздничные, богато орнаментированные огнива вместе с поясом являлись важнейшим дополнением этнического костюма и служили визуальным маркером положения человека в обществе. Они считались семейной реликвией и демонстрировались в торжественные дни. Вместе с понижением утилитарного значения праздничные огнива сохранились в традиционной культуре как комплексный элемент, в котором переплетены магические, художественно-эстетические и социально-знаковые функции.

Митько О. А. Благопожелательные китайские надписи на огнивах тюрко-монгольского типа // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 4: Востоковедение. С. 120–128.

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Том 15, № 4: Востоковедение © О. А. Митько, 2016

^{*} Исследование проведено в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности (задание № 33.702.2014/К).

В XIX–XX вв. в Монголии, Сибири и Средней Азии изготовлением огнив занимались мастера по художественной обработке металлов. В связи с недостаточной изученностью отдельных региональных центров и школ декоративно-прикладного искусства их изделия слабо поддаются типологии. Можно лишь отметить композиционное своеобразие в оформлении отдельных деталей украшений, сочетающих древние мотивы степного орнаментализма с семантически насыщенной образностью ламаистского пантеона. Наиболее полное выражение эта художественная особенность получила в творчестве мастеров-ювелиров Монголии, Бурятии и Тывы [Соктоева, Бадмаева, 1971. С. 6–7; Вайнштейн, 1974. С. 105–107; Тумахани, 1974. С. 61; Кочешков, 1979. С. 28–29; Соктоева, 1988; Бабуева, 2004]. С конца XVIII в. во Внутренней Монголии также сложилось высокохудожественное кузнечное и ювелирное ремесленное производство и трудились местные мастера-серебрянники [Воуег, 1952. Р. 158–168].

В оформлении огневых приборов, изготавливавшихся по определенному технологическому стандарту, сохранялась древняя система знаков и кодов. Несмотря на сложность «прочтения текста», наличие этой системы позволяет отнести орнаментированные огнива к категории предметов с «наивысшим семиотическим статусом» [Байбурин, 1981. С. 216]. Во второй половине XIX в. на оформление огнив тюрко-монгольского типа повлияла еще одна очень мощная художественная традиция, привнесенная китайскими ремесленниками, которые не только существенно дополнили композиции и мотивы на украшениях кожаных сумочек, но и предложили новую символику. Декоративно-прикладные изделия китайских мастеров оказались востребованными в среде элитных групп скотоводческого населения.

Цель данной публикации – ввести в научный оборот два огневых прибора, перевод и интерпретацию украшающих эти изделия надписей, а также дать характеристику этнокультурных контактов населения Китая со скотоводческими народами.

Рассматриваемые огнива имеют наиболее распространенную среди огневых приборов тюр-ко-монгольского типа конструкцию и форму. Размеры первого из них составляют $8,6 \times 7,4$ см, материал: сталь, кожа и латунь. В верхней части сумочки закреплена ручка в виде фигурной скобы с ограничителями на концах. Она зафиксирована на выступающем креплении вместе с кольцом для подвесного ремня. Крепление для скобы и кольца железное, но расположенные на нем отверстия позволяют предположить, что к нему крепились накладные украшения из цветного металла, вероятнее всего утерянные.

На ударное лезвие прикреплена узкая латунная пластина, методом тиснения на нее нанесен рельефный орнамент, напоминающий стилизованное изображение ствола бамбука. Кожа сумочки темно-коричневого цвета со следами потертости и длительного использования. На крышке (передней, лицевой стороне) сумочки расположена фигурная накладка в виде рамки, изготовленной из цельного латунного листа и закрепленной с помощью четырех железных шпеньков. Вырезанный по ее периметру орнамент образован повторяющимися графическими элементами, составляющими геометрический узор. Центральная часть рамки заполнена ажурным растительным орнаментом из тонких побегов растений и шести пятилепестковых цветков, которые делят пространство на четыре зоны. Орнамент служит фоном, оттеняющим нанесенные на него четыре иероглифа — 金玉满堂. Обратная сторона огнива не украшена.

Огниво находится в собрании Британского научного музея, в коллекции Брайанта и Мэйя, организованной в XIX в. владельцами фабрики по изготовлению спичек У. Брайантом и Ф. Мэйем [Beaver, 1985]. История поступления огнива в коллекцию неизвестна, а культурная атрибуция впервые была представлена Миллером Кристи, включившим его в обширный каталог музейной коллекции огневых приборов [Christy, 1926; 1928].

В данной статье фотография огнива (рис. 1) приведена из книги итальянских исследователей Витторио Кассиандра и Алессандро Чезати [Cassiandra, Cesati, 1996. Pl. 48, 253]. В их работе представлен и перевод китайской надписи на английский язык: «The temple enriched with gold and jewel», который авторы никак не прокомментировали [Ibid. P. 126]. Знакомство с оригинальной надписью 金玉满堂 (цзинь юй мань тан) позволило несколько уточнить ее содержательную часть, которая звучит как пожелание владельцу огнива: «чтобы дом был напол-

нен золотом и нефритом» ¹. На первый взгляд, отличие от английского перевода незначительно, однако, как нам кажется, предложенный вариант более точно передает образные компоненты, отражающие понятийные структуры, свойственные китайским фразеологическим выражениям.

Рис. 1. Огниво с китайской надписью из коллекции Брайант и Мэй в собрании Британского научного музея, Лондон (лицевая сторона, без масштаба). По: [Cassiandra, Cesati, 1996. Pl. 48. № 253])

Второе из рассматриваемых нами огнив в типологическом отношении аналогично первому. Его фотография и описание помещены на сайте «Oriental-Arms: Antique Arms and Armor», посвященном коллекционированию и продаже средневекового холодного оружия ². Сайт не содержит научной информации, однако огнива тюрко-монгольского типа с китайскими надписями уже достаточно давно стали экспонатами частных коллекций, доступ к которым обычно закрыт. Поэтому любая новая находка представляет научный интерес.

Из помещенного на сайте краткого сопроводительного описания следует, что огниво происходит с территории Тибета. Его размеры составляют $10,16 \times 7,62$ см, они близки к размерам огнива из Британского научного музея. Аналогичны материал изготовления (сталь, кожа и латунь), форма стального ударного лезвия и система крепления ручки в виде фигурной скобы с ограничителями на концах и кольцом в верхней части сумочки. Орнаментация пластинки на ударном лезвии и по периметру закрепленной на крышке сумочки фигурной накладки также позволяет говорить о близости двух огнив. Отличия прослеживаются в декоре орнамента, заполняющего центральную часть рамки, который можно отнести к одному из вариантов общего для двух огнив изобразительного мотива: тонкие растительные побеги растений с четы-

 $^{^1}$ Автор выражает искреннюю благодарность С. А. Комиссарову, профессору кафедры востоковедения ГФ НГУ, за помощь в переводе надписей и консультацию.

² Oriental-Arms: Antique Arms and Armor // Сайт антикварной компании Oriental-Arms Ltd. (Haifa, Israel). URL: http://oriental-arms.co.il/item.php?id=4595 (дата обращения 15.12.2015).

рехлепестковыми цветками образуют ажурный фон, на котором рельефно выделяются четыре иероглифических знака (рис. 2). Как и на первом огниве, обратная сторона сумочки не украшена.

Рис. 2. Огниво с китайской надписью из Тибета (лицевая сторона, без масштаба). По: www.oriental-arms.com (дата обращения 15.02.2016)

Надпись 财连银汉 (цай лянь Иньхань) гласит: «Пусть богатства текут, как Млечный Путь». Она относится к широко распространенной в китайской культуре универсалии благопожеланий, обладающих фразеологической и семантической пластичностью. Среди них главными были «три много» — «много лет», «много сыновей», «много богатства» [Васильев, 2001. С. 423]. Они являются своеобразным отражением менталитета китайцев, основу которого составляла практичность и прагматичность рационалистического мышления, предполагавшего выражение насущных требований в форме пожеланий.

Благопожелание «цай лянь инь хань» было широко распространено в Китае в конце позапрошлого столетия — не только в форме стандартного и во многом трафаретного фразеологического словосочетания, но и через символы, названия которых омофоничны базовым иероглифам. Очень часто они сопровождались иллюстрациями на новогодних открытках «няньхуа», одним из уникальных видов китайского народного искусства, изучение которого является отдельным направлением в мировом китаеведении [Виноградова, 1986; Рудова, 2003; Няньхуа, 2005]. Следует подчеркнуть, что традиция их изготовления сохранилась вплоть до настоящего времени [Гультяева, 2007].

На одной из праздничных открыток изображен характерный для китайской лубочной картины пухлый персонаж, собирающий монеты с денежного дерева, на котором растут гроздья серебряных лянов. Рисунок сопровождается все той же надписью «цай лянь Иньхань» (рис. 3). Одежда украшена изображениями цветков и бабочек, имеющих символическое значение и дополнительно усиливающих пожелание богатства и достатка еще и пожеланием «долгой жизни».

Puc. 3. Китайская новогодняя открытка (няньхуа) с благопожеланием. По: http://liangshan.blog.siyuefeng.com/blogGallery/show/14943 (дата обращения 15.02.2016)

Типологически близкое огниво хранится в фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Закрепленная на передней стороне сумочки рамка также заполнена ажурным орнаментом из тонких побегов растений, создающих фон для иероглифической надписи 连生贵子 (лянь шэн гуй цзы). Ее можно перевести как пожелание «Пусть непрерывно рождаются драгоценные / благородные сыновья». Подобные благопожелания часто предназначались для жениха и невесты во время свадебного торжества [Митько, Ступан, 2011. С. 92].

Опубликовавшие огниво В. Кассиандра и А. Чезати отнесли его к XVIII в., однако не привели какие-либо аргументы в обоснование этой датировки [Cassiandra, Cesati, 1996. Р. 126]. Действительно, в Западной Европе в конце XVIII — начале XIX в. возник всеобщий интерес к китайской культуре. На этой волне в художественном и декоративном искусстве возникает новый стиль — chinoiserie, на формирование которого во многом повлияли китайские импортные предметы домашнего обихода. Однако, на наш взгляд, рассматриваемые огнива с благопожелательными надписями относятся ко времени не ранее конца второй половины XIX в.

Что касается огнива с территории Тибета, то оно, скорее всего, также относится к XIX в. Упоминания об огневых приборах тюрко-монгольского типа встречаются в целом ряде публикаций [Rockhill, 1891. Р. 143, 231; Козлов, 1949. С. 180; Hummel, 1953. Abb. 104, 105; Рерих, 1992; 1995. С. 339; Лазаревич, Молодин, Лабецкий, 2002. Рис. 29, 30]. Но лишь в одной из работ содержатся их датировка и указание на Восточный Тибет как территорию их наибольшего распространения [Zwalf, 1981. Abb. 81].

Анализ оригинальных китайских надписей показывает, что, вероятнее всего, огнива могли быть изготовлены в одном из ремесленных центров, специализирующихся на изготовлении

для скотоводческого населения украшений и социально-престижных предметов. Это предположение опирается на такие особенности огневых приборов, как типологическая близость (форма и общие размеры), материал и технические особенности изготовления отдельных элементов, стилистика художественного оформления благопожелательных надписей, их связь с няньхуа. Последняя из отмеченных особенностей имеет особое значение, поскольку орнаментация огнив является своеобразным отражением эстетических и этических принципов народной китайской культуры.

Уже отмечалось, что исследование огнив тюрко-монгольского типа с китайскими надписями носит разноплановый характер [Митько, Ван Пэн, Нулицзяцзы Байкэнь, 2014]. В жизненно необходимых по своему функциональному назначению приспособлениях для получения огня нашел отражение самобытный художественный язык, органично сочетающий орнаментальные мотивы кочевых народов с символизмом и образностью китайского искусства. При этом закономерно возникает вопрос, насколько глубоко эти образы и смыслы были восприняты и поняты в среде некитайского населения?

Дать однозначный ответ на этот вопрос вряд ли возможно. В. М. Алексеев, начавший изучать еще в самом начале XX в. народные картины, отметил, что они чрезвычайно сложны для понимания, а сопровождающие их надписи, «может быть, и читались, но понять их было невозможно» [Алексеев, 1966. С. 16]. Ему приходилось уговаривать китайских учителей, которых он нанимал, чтобы они расшифровывали изображения на картинах. Были случаи, когда В. М. Алексеев специально обращался к пожилым людям, знатокам народных сюжетов и символики, чтобы записать от них объяснения картин [Рифтин, 2012. С. 94]. Однако даже если смысл и образное содержание надписи на огнивах были не понятны для их владельцев, они могли восприниматься не как информативный источник, а как яркий художественно выполненный графический рисунок, включенный в изобразительный орнамент.

В то же время, в конце XIX в., многочисленные мастерские няньхуа уже принимали заказы на печать самых разных по жанру и содержанию картин, в том числе отвечающих художественным вкусам некитайского населения. Как правило, они были наполнены понятными для них символами и аллегориями [Виноградова, 2013]. Поэтому нельзя исключить, что для центральноазиатских скотоводов мог быть понятен общий смысл благопожелательных надписей, перенесенных на такие ключевые элементы их культуры, как престижные, праздничные огнива.

Список литературы

Алексеев В. М. Китайская народная картина: Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. М.: ГРВЛ, 1966. 260 с.

Бабуева В. Д. Материальная и духовная культура бурят: Учеб. пособ. Улан-Удэ: [б. и.], 2004. 228 с.

Байбурин А. К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология: Сб. МАЭ. Л.: Наука, 1981. Вып. 37. С. 215–226.

Вайнштейн С. Я. История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 224 с.

Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Вост. лит., 2001. 488 с.

Виноградова Т. И. Китайская народная картина — няньхуа: проблемы систематизации и периодизации // XXVII Науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. М.: ГРВЛ, 1986. Ч. 2. С. 50–55.

Виноградова Т. И. «Некитайские» китайские народные картины // Кюнеровский сборник: Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований. СПб.: МАЭ РАН, 2013. Вып. 7: Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение, 2011—2012. С. 32–38.

Гультяева Г. С. Китайская народная картина няньхуа в современной художественной культуре (1980–1990-е гг.) // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2007. Т. 10, вып. 31. С. 46–50. *Козлов П. К.* Монголия и Кам. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1949. 439 с.

Кочешков Н. В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX – середины XX века. М.: Наука, 1979. 208 с.

Митько О. А., Ван Пэн, Нулицзяцзы Байкэнь. Огнива тюрко-монгольского типа с китайскими благопожелательными надписями и символами // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 4: Востоковедение. С. 50–59.

Митько О. А., Ступан Ю. С. Огниво с китайской надписью // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4. С. 90-95.

Няньхуа: Картины Старого Китая. М.: Гермитаж-Пресс, 2005. 64 с.

Рерих Ю. Н. Звериный стиль у кочевников северного Тибета. М.: МЦР, 1992. 38 с.

Рерих Ю. Н. По тропам Срединной Азии. Самара: АГНИ, 1995. 496 с.

Рифтин Б. Л. Путешествие русского китаеведа в Китай // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 10: Востоковедение. С. 91–99.

Рудова М. Л. Китайская народная картинка. СПб.: Аврора, 2003. 65 с.

Соктоева И. И. Изобразительное и декоративное искусство Бурятии. Новосибирск: Наука, 1988. 106 с.

Соктоева И. И., Бадмаева Р. Д. Бурятский художественный металл. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. 83 с.

Тумахани А. В. Бурятское народное творчество. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 112 с. *Beaver P.* The Match Makers: The Story of Bryant & May. L.: Henry Melland, 1985. 128 р.

Boyer M. Mongol Jewelry: Researches on the Silver Jewelry collected by the First and Second Danish Central Asian Expeditions under the Leadership of Henning Haslund-Christensen 1936–1937 and 1938–1939. København: National museets skrifter, Ethnografisk Raekke, 1952. 223 p.

Cassiandra V., Cesati A. Fire Steels. Torino: Umberto Allemandi & Co., 1996. 131 p.

Christy M. The Brayant and May Museum of Fire-Making Appliances: Catalogue of Exhibits. L.: Joseph Causton & Sons, Ltd., 1926. viii, 255 p.

Christy M. The Brayant and May Museum of Fire-Making Appliances: Catalogue of Exhibits, Supplement. L.: Joseph Causton & Sons, Ltd., 1928. [257]–331 p.

Hummel S. Geschichte der Tibetischen Kunst. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1953. 123 S., 124 abb. Rockhill W. W. The Land of the Lamas: Notes of a Journey the Through China Mongolia and Tibet with Maps and Illustrations. N. Y.: The Century Co., 1891. viii, 399 p.

Zwalf W. Heritage of Tibet. L.: British Museum Publications, 1981. 144 p.

Материал поступил в редколлегию 20.02.2016.

Oleg A. Mitko

Novosibirsk State University 2, Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

omitis@gf.nsu.ru

TURCO-MONGOL FIRE STEELS WITH AUSPICIOUS CHINESE INSCRIPTIONS

Original fire steels, which are one of important accessories in traditional costume among Turco-Mongol peoples proliferated in the late Middle Ages and the New Age in the eastern part of the steppe zone of Eurasia. This article focuses on the analysis of two original fire steels of Turco-Mongol type.

Simple fire steels that any grown man could make himself out of scrap materials used to be everyday articles. Such fire-lighting devices were used by herders of South Siberia and Mongolia

until the mid-20th century. Along with them, there were popular colorful, ornate fire steels. They served as a marker of social status of their holder in society. In the 19th-20th centuries in Mongolia, Siberia and Central Asia, fire steel manufacturers were engaged in artistic metalwork.

Such demands are cultural universals associated with archetypal notions of material and moral guidelines. Analysis of the original label indicates that the fire steels could have been manufactured in one of the craft centers in China, specializing in socially prestigious fire steels for cattle-breeding population. The fire steels are peculiar with carved floral ornament inscriptions consisting of four characters.

The inscriptions reflect traditional Chinese desires of wealth and prosperity. In folk art, China Good Luck inscriptions illustrating greeting pictures (nianhua) are widespread in the second half of the 19th century.

Analyzing these 'socio-prestigious' fire steels with Chinese inscriptions we confront with the difficulties of their profound interpretation by non-Chinese population. It is hardly possible to give a positive answer. We cannot escape the fact that the general wealth-wishing meaning of the inscriptions is well understood in the elite part of pastoral habitations. If the meaning and content of the inscriptions might not be understood by their owners, they could not be perceived as a source of information but as a part of the ornament with bright, artistically executed graphic design.

Keywords: Center Asia, China, Tibet, Mongols, medival, belt tinder box, tire steel, Good Luck.

References

Alekseev V. M. Kitaiskaya narodnaya kartina: Duhovnaya jizn' starogo Kitaya v narodnih izobrajeniyah [Chinese folk art: Spiritual life of Old China as reflected in folk images]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 260 p. (In Russ.)

Babueva V. D. Material'naya i dukhovnaya kul'tura buryat: Uchebnoe posobie [Material and spiritual culture of the Buryats: Textbook]. Ulan-Yde, 2004, 228 p. (In Russ.)

Baiburin A. K. Semioticheskii status veschei i mifologiya [Semiotic status of things with regard to mythology]. *Materialnaya kultura i mifologiya* [*Material culture and mythology*]. Leningrad, Nauka, 1981, p. 215–226. (Collection of MAE. Iss. 37). (In Russ.)

Vainshtein S. Ya. Istoriya narodnogo iskusstva Tuvy [History of Folk Art in Tuva]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 224 p. (In Russ.)

Vasil'ev L. S. Kulty, religii, traditsii v Kitae [Cults, religions and traditions in China]. Moscow, Vost. lit., 2001, 488 p. (In Russ.)

Vinogradova T. I. Kitaiskaya narodnaya kartina—nyanhua: problemi sistematizatsii i periodizatsii [Chinese folk picture nianhua: Classification and chronological problems]. *XXVII Scientific conf.* «*Society and State in China*»: *Theses of reports*. Moscow, Nauka Publ., 1986, pt. 2, p. 50–55. (In Russ.)

Vinogradova T. I. «Nekitaiskie» kitaiskie narodnye kartiny [«Non-Chinese» folk pictures of China]. *Kyunerovskii sbornik: Materiali Vostochnoaziatskih i Yugo-Vostochnoaziatskih issledovanii [Kiuner's collection: Materials of East-Asian and South-East-Asian studies*]. Saint-Petersburg, MAE RAN, 2013, Iss. 7. Ethnography, folklore, art, history, archaeology, museum studies: 2011–2012, p. 32–38. (In Russ.)

Gultyaeva G. S. Kitaiskaya narodnaya kartina nyanhua v sovremennoi hudojestvennoi kulture (1980-90–e gg.) [Chinese folk pictures *nianhua* in the modern art culture (1980-90s)]. *Izvestiya Ross. gos. ped. un-ta im. A. I. Gercena* [*Proceedings of the Russian state normal univ.*], 2007, vol. 10, iss. 31, p. 46–50. (In Russ.)

Kozlov P. K. Mongoliya i Kam [Mongolia and Cham]. Moscow, Geographic lit. state publisher, 1949, 439 p. (In Russ.)

Kocheshkov N. V. Dekoratiynoe iskusstvo mongoloyazychnykh narodov XIX – serediny XX veka [Decorative Arts of Mongolian peoples in 19th – mid-20th century]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 208 p. (In Russ.).

Lasarevich O. V., Molodin V. I., Labetskii P. P. N. K. Rerikh – arhkeolog [N. K. Roerich, an archaeologist]. Novosibirsk, IAET Publ., 2002. 116 p. (In Russ.)

Mitko O. A., Wang Peng, Nuliczyaczi Baiken. Ogniva tyurko-mongolskogo tipa s kitaiskimi bla-gopojelatelnimi nadpisyami i simvolami [Fire steels of Turco-Mongol type with Chinese auspicious inscriptions and symbols]. *Vestnik of Novosib. State Univ. Series: History, philology*, 2014, vol. 13, iss. 4: *Oriental Studies*, p. 50–59. (In Russ.)

Mitko O. A., Stupan Yu. S. Ognivo s kitaiskoi nadpisyu [Tinder bag with a Chinese inscription. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2011, № 4 (39), p. 90–95. (In Russ.)

Nyan'hua: Kartini Starogo Kitaya [Nianhua: Pictures of Old China]. Moscow, Germitaj-Press, 2005, 64 p. (In Russ.)

Roerich Yu. N. Po tropam Sredinnoi Azii [Along the paths of Middle Asia]. Samara, AGNI Publ., 1995, 496 p. (In Russ.)

Roerich Yu. N. Zverinyi stil' u kochevnikov severnogo Tibeta [Animal style of the nomads of northern Tibet]. Moscow, MTsP Publ., 1992, 38 p. (In Russ.)

Riftin B. L. Puteshestvie russkogo kitaeveda v Kitai [A trip of Russian sinologists in China]. *Vest-nik of Novosib. State Univ. Series: History, philology*, 2014, vol. 13, iss. 4: *Oriental Studies*, p. 91–99. (In Russ.)

Rudova M. L. Kitaiskaya narodnaya kartinka [Chinese small folk picture]. Saint-Petersburg, Avrora, 2003, 65 p. (In Russ.)

Soktoeva I. I. Izobrazitelnoe i dekorativnoe iskusstvo Buryatii [Pictorial and decorative art of Buryatia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1988, 106 p. (In Russ.)

Soktoeva I. I., Badmaeva R. D. Buryatskii khudozhestvennyi metall [Buryat art metal]. Ulan-Ude, Buryat. Book Publisher, 1971, 83 p. (In Russ.)

Tumahani A. V. Buryatskoe narodnoe tvorchestvo [Buryat folk arts]. Ulan-Ude, Buryat. Book Publisher, 1974, 112 p. (In Russ.)

Boyer M. Mongol Jewelry: Researches on the Silver Jewelry Collected by the First and Second Danish Central Asian Expeditions under the Leadership of Henning Haslund-Christensen 1936–37 and 1938–39. København, National museets skrifter, Ethnografisk Raekke, 1952, 223 p.

Cassiandra V., Cesati A. Fire Steels. Torino, Umberto Allemandi & C., 1996, 131 p.

Beaver P. The Match Makers: The Story of Bryant & May. London, Henry Melland, 1985, 128 p. Christy M. The Bryant and May Museum of Fire-Making Appliances: Catalogue of Exhibits. London, Joseph Causton & Sons, Ltd., 1926, 255 p.

Christy M. The Bryant and May Museum of Fire-Making Appliances: Catalogue of Exhibits, Supplement. London, Joseph Causton & Sons, Ltd., 1928. [257]–331 p.

Hummel S. Geschichte der Tibetischen Kunst. Leipzig, Otto Harrassowitz, 1953, 123 S.

Rockhill W. W. The Land of the Lamas: Notes of a Journey the Through China Mongolia and Tibet with Maps and Illustrations. N. Y., The Century Co, 1891, 416 p.

Zwalf W. Heritage of Tibet. London, British Museum Publications, 1981, 144 p.